

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).  
 Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 811.161.1'373.21  
 ББК Ш141.12-316

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.8

**Ирина Васильевна Крюкова**

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия, kryukova-irina@ya.ru, SPIN-код: 7695-8609

## Речевой акт «переименование» в региональной топонимии как отражение политического курса страны

**АННОТАЦИЯ.** В статье представлен коммуникативно-прагматический подход к переименованию населенных пунктов, дополняющий существующие социолингвистические исследования топонимических переименований. Переименование мы рассматриваем как речевой акт декларативного типа, в структуре которого выделяются три уровня: иллокутивный — определение цели переименования (иллокутивной функции); локутивный — сам акт переименования, включающий принятие решения об изменении названия и документальную фиксацию данного решения; перилокутивный — оповещение о переименовании через СМИ, а также возможная реакция на него массового адресата. Цель исследования — выявление особенностей речевого акта «переименование» как отражение политической ситуации в стране и в регионе. В результате ономастологического анализа 118 названий населенных пунктов (ойконимов) Волгоградской области определены 2 основных типа речевого акта «переименование». 1. Речевой акт, иллокутивная функция которого — утверждение советской власти на территории региона. Отмечается инициатива «снизу», многочисленные случаи самоназвания, когда решение о переименовании принимают местные жители, и только затем — органы государственной власти. 2. Речевой акт, иллокутивная функция которого — предание забвению имен политических лидеров как отражение борьбы за власть. Отмечается усложнение структуры речевого акта, включение в него обсуждения вариантов названия и обнародования мотивов переименования (советский период), а также проведение референдумов (постсоветский период). Полученные данные открывают перспективы исследования речевых актов «присвоение названия» и «переименование» на более широком материале, выходящем за рамки региональной ойконимии.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** ономастика, населенные пункты, речевые акты, региональная топонимия, политическая ситуация, переименование населенных пунктов, социолингвистические исследования, топонимические переименования, искусственная номинация, ойконимы, Волгоградская область, номинативная ситуация, декларатив, иллокутивная функция, топонимический рефлексив, ономастологический анализ.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Крюкова Ирина Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия, email: kryukova-irina@ya.ru.

**БЛАГОДАРНОСТИ.** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Администрации Волгоградской области, проект № 25-28-20081 «Образ человека в зеркале региональной топонимии (на материале названий населенных пунктов Волгоградской области)», <https://rscf.ru/project/25-28-20081/>.

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Крюкова, И. В. Речевой акт «переименование» в региональной топонимии как отражение политического курса страны / И. В. Крюкова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 21-29.

**Irina V. Kryukova**

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia, kryukova-irina@ya.ru, SPIN code: 7695-8609

## The Speech Act of “Renaming” in Regional Toponymy as a Reflection of the Country's Political Course

**ABSTRACT.** The article presents a communicative-pragmatic approach to the renaming of settlements, which complements existing sociolinguistic research of toponymic renaming. The author defines renaming as a declarative speech act structured into three levels: illocutionary –identification of the purpose of renaming (illocutionary function); locutionary – the act of renaming itself, which includes making a decision to change the name and documenting this decision; perlocutionary — announcing the renaming via mass media, as well as the potential reaction of the general public. The research aims to identify the characteristic features of the speech act of “renaming” as a reflection of the political situation in the country and the region. As a result of an onomasiological analysis of 118 names of settlements (oikonyms) in the Volgograd Oblast, two main types of the “renaming” speech act have been identified. The illocutionary function of the first type is to establish Soviet power in the region. There is a notable bottom-up initiative and numerous instances of self-naming, when the decision to rename is made by local residents and only subsequently approved by state authorities. The illocutionary function of the second type is to consign the names of political leaders to oblivion as a reflection of the power struggle. There is an observed complexity in the structure of the speech act, which includes discussing name options and publicizing the motives behind the renaming (in the Soviet period), as well as conducting referendums (in the post-Soviet period). The findings open up prospects for studying the speech acts of “naming” and “renaming” using broader material that extends beyond regional oikonymy.

© Крюкова И. В., 2026

**KEYWORDS:** *onomastics, settlements, speech acts, regional toponymy, political situation, renaming of settlements, sociolinguistic studies, toponymic renaming, artificial nomination, oikonyms, Volgograd Oblast, nominative situation, declarative, illocutionary function, toponymic reflection, onomasiological analysis.*

**AUTHOR'S INFORMATION:** *Kryukova Irina Vasil'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of Linguistics, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia.*

**ACKNOWLEDGMENTS.** The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation and the Administration of the Volgograd Oblast, project No. 25-28-20081 "The Image of Man in the Mirror of Regional Toponymy (Based on the Names of Settlements in the Volgograd Oblast)," <https://rscf.ru/project/25-28-20081/>.

**FOR CITATION:** *Kryukova I. V. (2026). The Speech Act of "Renaming" in Regional Toponymy as a Reflection of the Country's Political Course. In Political Linguistics. No 4 (118), pp. 21-29. (In Russ.).*

## ВВЕДЕНИЕ

В топонимии наиболее устойчивыми знаками являются имена природных объектов: гидронимы (названия водных объектов) и оронимы (названия возвышенностей), они часто сохраняются в неизменном виде века и даже тысячелетия и поэтому представляют большую ценность для изучения истории языка и прошлого народов. При этом среди классов топонимической лексики наименее устойчивые — ойконимы (названия населенных пунктов) и урбанонимы (названия внутригородских объектов).

Это обусловило интерес исследователей к переименованиям в ойконимике и урбанонимике. В большинстве работ, выполненных в социолингвистическом аспекте, показано переименование как насильственная смена топонимов вследствие войн, революций и колонизации. Такие переименования исследователи эмоционально и экспрессивно определяют как «топонимический геноцид»<sup>1</sup>, «топонимические войны» [Ворошилин 2011] и «топонимические чистки пространства» [Калуцков 2021; Петешова 2026]. Причем подобные исследования, посвященные переименованиям, проводят не только лингвисты, но и историки, рассматривая смену названий с точки зрения исторических процессов [Мансур 2011], и географы, обращая внимание на смену названий с точки зрения критической топонимии [Vuolteenaho, Berg 2009; Митин 2021].

В данной работе, цель которой — выявление особенностей речевого акта «переименование» как отражения политической ситуации в стране и в регионе, представлена попытка коммуникативно-прагматического подхода к переименованию населенных пунктов.

Прежде всего отметим, что переименованные ойконимы — это результат искусственной номинации, напрямую связанной с сознательным участием человека в формировании лексической системы языка. Науч-

ные подходы к разграничению искусственной и естественной ономастической номинации более полувека назад были намечены А. К. Матвеевым. К основным особенностям естественной номинации автор относит стихийный учет свойств объекта, неизвестность авторства, «коллективность номинации с точки зрения сегодняшнего дня», а среди основных черт искусственной номинации — наличие ясной целеустановки, индивидуальность авторства (в широком смысле), «направленный учет свойств объекта» [Матвеев 1974: 11]. Наиболее полно теоретическое понятие «искусственная ономастическая номинация» разработано М. В. Голомидовой. Автор уточняет намеченные А. К. Матвеевым критерии разграничения естественной и искусственной номинации и приходит к выводу, что данные две разновидности лексической номинации различаются исторической последовательностью возникновения и обладают специфичными традициями в принципах обозначения. М. В. Голомидова определяет искусственную номинацию как номинативный акт, который принадлежит сфере функционально-ролевой коммуникации и ставит своей целью создание наименования, рассчитанного на априорную узualизацию [Голомидова 1998: 65].

В дальнейшем данные идеи мы применили к некоторым группам рекламных имен и антропонимов [Крюкова 2011; Бойкова 2017; Сулейман 2017; Корнейчук 2026]. Такой подход показал возможности сближения ономастики с прагмалингвистикой. В частности, применение к искусственной номинации теории речевых актов, разработанной Д. Остином и Д. Серлем. Процесс присвоения названия, который с данных позиций еще не был рассмотрен применительно к ойконимам, можно определить как речевой акт-декларатив, обладающий предписательной силой, как сообщение, эквивалентное поступку, когда, по мнению Дж. Р. Серля, «некоторое положение дел получает существование, когда, так сказать, говорение конституирует факт» [Серль 1999: 243].

Переименование в ойконимии мы рассматриваем как разновидность речевого акта

<sup>1</sup> Поспелов, Е. М. Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992): топонимический словарь / Е. М. Поспелов. — Москва: Русские словари, 1993. — 249 с.

«присвоение названия». Однако он имеет свои особенности, отличные от первоименования. По справедливому замечанию А. К. Матвеева, «первоименование как факт только начинает свою историю, а переименование имеет дело с уже названным, с историческим фактом топонимической системы. Отсюда разные задачи и способы их решения» [Матвеев 2009: 100–101].

Речевой акт «переименование» имеет место тогда, когда старое название перестает соответствовать изменившейся номинативной ситуации, которая определяет необходимость замены названия. Результатом речевого акта «переименование» является создание новой номинативной ситуации, в которой прежний ойконим заменяется на новый, а факт переименования императивно закрепляется в специальных документах. С учетом трехуровневой модели, предложенной Д. Остином и Д. Серлем — иллюкуция (цель высказывания), локуция (построение высказывания), перлокуция (последствия высказывания) [Остин 1986; Серль 1999], в структуре речевого акта «переименование» выделяются: 1) иллюкутивный уровень — осознание изменившейся номинативной ситуации и определение цели переименования (иллюкутивной функции); 2) локутивный уровень — сам акт переименования, который включает принятие решения об изменении названия, фиксацию данного решения в документе определенного типа и законодательное закрепление новой номинативной единицы; 3) перлокутивный уровень — оповещение о переименовании через средства массовой информации, а также возможная реакция на него массового адресата.

Выделение данных этапов позволяет четко определить роли участников переименования, взаимодействие которых в конечном счете определяет выбор языковых средств: 1) именуемый субъект — органы государственной власти; 2) объект переименования — населенный пункт, название которого перестало отвечать изменившейся номинативной ситуации; 3) массовый адресат — жители региона и области, пользователи названия, которые в разные годы проявляли разную степень активности в зависимости от исторического контекста эпохи.

Хотя мотивы региональных переименований могут быть разными (например, упорядочение топонимической системы, замена труднопроизносимых ойконимов или ойконимов с неблагоприятными ассоциациями), наиболее полно и последовательно структура речевого акта «переименование» представлена в ситуациях смены названия в связи со сменой политического курса страны.

Этот процесс подчиняется определенным закономерностям и поддается описанию.

## МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДИКА АНАЛИЗА

Материалом исследования послужили ойконимы Волгоградской области — названия городских и сельских поселений, которые в XX веке изменили свое название по политическим мотивам. Ойконимия Волгоградской области представляется актуальным объектом для исследования особенностей речевого акта «переименование», так как это территория позднего заселения, для которой характерно сознательное вмешательство человека в номинативные процессы.

Методика исследования включает несколько этапов. Сначала, используя приемы ориентированного поиска, из Реестра административно-территориальных единиц и населенных пунктов Волгоградской области<sup>1</sup> мы отобрали для анализа названия населенных пунктов, переименованных в XX веке в связи со сменой политического курса страны. Всего в Реестре 1570 единиц, из них было отмечено 118 населенных пунктов, которые были переименованы по политическим мотивам в результате сознательной и целенаправленной деятельности органов власти, что составляет 8 % от общего числа ойконимов Волгоградской области.

Затем, используя методы ономастического и сопоставительного анализа, мы выявляли сходства и различия в парах «исходный ойконим — новый ойконим». В дальнейшем данный материал был дополнен текстами законов и постановлений о переименовании, а также публикациями в местной прессе, в которых отмечаются топонимические рефлексивы, т. е. метаязыковые высказывания, демонстрирующие негативное или позитивное отношение к ойкониму. Контекстуальный анализ фрагментов из данных источников позволил определить этапы в структуре речевого акта «переименование» и охарактеризовать участников данного номинативного процесса.

## ИССЛЕДОВАНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Следует отметить, что переименования населенных пунктов были характерны и для дореволюционного периода развития ойконимической системы региона. Однако они не носили массового характера и были связаны или со сменой владельца, или со строитель-

<sup>1</sup> Реестр административно-территориальных единиц и населенных пунктов области Волгоградской области. URL: <https://www.volgograd.ru/volgogradskaya-oblast/administrativno-territorialnoe-delenie.php>.

ством в селе церкви, за которым следовало изменение статуса населенного пункта. Отмечается также несколько мемориальных переименований идеологического характера, связанных с царской семьей. Например, хутор *Субботин* в 1895 г. переименован в хутор *Николаевский* в честь императора Николая II, пос. *Жутово* в 1913 г. стал именоваться пос. *Ново-Алексеевский* в честь сына императора Николая II и т. п. При этом переименование не было полным, и в официальных документах зачастую использовались оба варианта названия.

Из наиболее ранних документально зафиксированных переименований идеологического характера, которые были частью языковой политики страны, исключающей функционирование старого ойконима, можно выделить только речевой акт, иллюкутивная функция которого — предание забвению событий, связанных с крестьянским восстанием Емельяна Пугачева. Так, на родине Емельяна Пугачева, в станице *Зимовейской* (ныне станица *Пугачевская*), в 1775 г. сожгли его дом и указом Екатерины II станицу переименовали в *Потемкинскую* в честь фаворита императрицы графа Г. Потемкина-Таврического. Позже город *Дмитриевск*, в соответствии с указом Екатерины II от 7 ноября 1780 г., переименовали в *Камышин*, так как жители города участвовали в пугачевском восстании. Новые названия сначала официально утверждались и только потом становились известными местному населению.

И только в XX веке происходят массовые переименования с усложнением структуры речевого акта, во-первых, в связи со сменой общественного строя и установлением советской власти на территории региона; во-вторых, в связи со сменой власти в советский и постсоветский периоды. Соответственно по иллюкутивной функции выделяются 2 основных типа речевого акта «переименование», каждый из которых соответствует определенным историческим условиям, определившим изменение номинативной ситуации в стране и в регионе.

#### **Речевой акт, иллюкутивная функция которого — утверждение советской власти на территории региона**

Пик переименований подобного типа — ранний советский период, 1920–1930-е гг. Основной мотив при замене старого названия — утверждение советской власти на территории региона с помощью переименования населенных пунктов, в целом характерное для страны явление. В этот период преобладает мемориальная антропонимическая модель переименования. Первым переименованием подобного рода стала замена в

1919 г. названия села *Пришиб* на *Ленинск*. Это был первый населенный пункт не только в России, но и в мире, названный в честь В. И. Ленина, причем еще при его жизни.

При этом волна переименований отмечается после 1925 г., после того как уездный город *Царицын*, названный по реке *Царица*, был переименован в *Сталинград*. Название дано в честь И. В. Сталина не произвольно, а в соответствии с конкретными историческими событиями — в Гражданскую войну И. В. Сталин был командующим Северо-Кавказским военным округом и сыграл важную роль в обороне Царицына. На вторую часть топонима, церковнославянский вариант слова *город*, видимо, повлияло предшествующее переименование *Санкт-Петербурга* в *Ленинград*. Прежнее название *Царицын*, по мнению советского правительства, могло вызвать у населения нежелательные ассоциации со старым режимом, хотя к царизму оно не имело отношения<sup>1</sup>.

В результате сложилась новая номинативная ситуация, определившая мотивы дальнейших переименований. Примечательно, что новые населенные пункты, в отличие от переименованных, возникали на базе одноименных колхозов и получали имена произвольно, без связи с именуемым объектом (*Красный Октябрь*, *Красное знамя*, *Серп и Молот*, *Комсомолец*, *Большевик*, *Ленинец*, *Путь Ильича*, *Буденовец* и под.). Такие ойконимы универсальны, они распространены на всей территории постсоветского пространства. Однако при переименовании сельских населенных пунктов, как и при переименовании Царицына, ойконимы выбирались с учетом связи конкретной исторической личности с данным регионом. Многие переименованные населенные пункты получали уникальные названия, не характерные для других регионов страны.

Например, старинная казачья станица *Преображенская* была переименована в село *Киквидзе* в честь активного участника Гражданской войны, командующего частями Юго-Западного фронта В. Киквидзе, погибшего неподалеку. Этим же мотивом руководствовались при переименовании села *Зубрилово*, названного по имени владельца, в село *Киквидзенское*, возле которого погиб В. Киквидзе.

В целом можно отметить, что при смене ойконима часто сохранялась антропонимическая модель, основная для названий населенных пунктов во все времена. При этом

<sup>1</sup> О происхождении гидронима см.: Крюкова И. В., Супрун В. И. Реки и водоемы Волгоградской области: гидронимический словарь. Волгоград: Изд-во ВГАПК РО, 2009. С. 319.

предполагалась замена имени прежнего владельца или известного жителя на имя героя Гражданской войны или советского времени как символ установления новой власти. Наиболее показательный пример — переименование хутора *Каледин*, в котором родился известный российский военачальник, первый выборный войсковой атаман Всеволодского Войска Донского А. М. Каледин, потомок основателя хутора. В 1933 г. хутор был переименован в *Блинов* в честь командира кавалерийской дивизии 9-й армии Южного фронта М. Ф. Блинова. В данном случае цель переименования — не столько увековечивание памяти революционера, сколько искоренение упоминания в топонимии фамилии донского атамана. Позже этим мотивом руководствовались и при замене названия станицы *Потёмкинской* на *Пугачевскую*, поскольку эта станица — родина Емельяна Пугачева; поселка железнодорожной станции *Воропоново*, названного в честь помещиков Воропоновых, — на станцию *Максима Горького*, так как в 1889 г. на этой станции в должности весовщика работал будущий писатель А. М. Горький.

Стремление убрать с карты Волгоградской области имена землевладельцев приводило также и к утрате антропонимической модели, что символизировало установление новых экономических отношений в данном населенном пункте. Массовый адресат в данном случае рассматривался на объект воспитания и контроля. Так, хутор *Моргуновский* был переименован в *Первомайский*, хутор *Шишкино* — в *Краснодонский*, хутор *Букатин* — в поселок *Красная Слобода*. Кроме того, многие новые названия давались по контрасту со старыми, образованными от титулов и званий землевладельцев. Например, хутор *Генеральский* был переименован в *Красноармейский*, а слобода *Графская*, ранее принадлежавшая графу Орлову-Шереметьеву, — в село *Добринка* (по реке *Левая Добрая*).

При этом, по сравнению с дореволюционным периодом, меняется структура речевого акта «переименование» на локутивном уровне. Во-первых, для послереволюционного периода характерна инициатива «снизу». Зачастую предложение о замене старого названия инициатируют сами жители населенного пункта. Например, красный комиссар, внук основателя хутора *Букатин*, Н. Н. Букатин в 1923 г. на общем собрании жителей хутора предложил заменить название *Букатин* на *Красная Слобода*. Жители ходатайствовали об этом перед ВИКом, их

просьба была удовлетворена<sup>1</sup>. А железнодорожная станция *Воропоново* была переименована в станцию *Максима Горького* после того, как с этой просьбой обратились в Верховный Совет СССР железнодорожники<sup>2</sup>.

Во-вторых, если название давалось в честь живущего человека, то обязательным было согласование с лицом, в честь которого оно дается. Иногда это было связано с обсуждением потенциальных объектов переименования. Например, переименование в 1933 г. старинной казачьей станицы *Усть-Медведицкой* в город *Серафимович* было приурочено к 70-летию известного донского писателя А. С. Серафимовича (Попова). Этому событию предшествовало обсуждение переименования с А. С. Серафимовичем. Изначально предлагалось переименовать город Новочеркасск Ростовской области, однако А. С. Серафимович отклонил это предложение. В качестве альтернативы он предложил дать свое имя станице *Усть-Медведицкой*, где прошло его детство<sup>3</sup>.

По топонимическим рефлексивам можно судить об искреннем желании инициаторов речевого акта переименовать населенный пункт, о резкой эмоциональной оценке старого названия и о неоднозначном отношении к переименованию. Высказывания инициаторов переименования отражают борьбу с символами императорской власти и стремление заменить их на символы борьбы за свободу простого народа. Так, станица *Николаевская* была переименована в ноябре 1918 г. в станицу *Степано-Разинскую* по решению войскового совета красной части Астраханского войска. Решение о переименовании содержит эмоционально-оценочные эпитеты: «Станицу Александровскую и Николаевскую, как носивших до сих пор имена коронованных палачей Александра I и Николая II кровавого, переименовать: первую в Троцкую, а вторую — в Степана Разина» [Цит. по Антропов 2008: 120]. Примечательно, что в то время при принятии окончательного решения учитывалось и мнение жителей, если оно было обосновано соответствующим образом. По данным О. О. Антропова, основанным на архивных материалах, «александровцы не согласились и постановили вернуть станице историческое название — Суводская: название, мол, и так революционное — станица участвовала в Пу-

<sup>1</sup> История хутора Букатина (в документах и воспоминаниях). URL: <https://volgokray.narod.ru/history/bukatin.html>.

<sup>2</sup> Названия разные — история одна. URL: <https://gudok.ru/zdr/174/?ID=1609287>.

<sup>3</sup> Воспоминания современников об А. С. Серафимовиче. М.: Советский писатель, 1977. 610 с.

гачевском восстании» [Там же]. Таким образом, местные жители могли не только инициировать переименование, но и отклонить предложенный вариант, сохранив прежний ойконим.

**Речевой акт, иллокутивная функция которого — предание забвению имен политических лидеров советского периода**

Первые переименования такого типа, отражающие борьбу за власть и нестабильность политической жизни в стране, появляются уже в ранний советский период. При этом отмечаются двойные и даже тройные переименования. Например, за десять лет село *Слободка* было переименовано трижды. В 1923 г. его переименовали в *Троцкое* в честь видного большевика Л. Д. Троцкого (Бронштейна), который в то время был наркомом по военным делам, председателем реввоенсовета республики, членом политбюро ЦК партии. Но лишь пять лет село носило это имя, в 1927 г. Троцкий был исключен из партии, выслан в Алма-Ату, а в 1929 г. — за границу. Село стало именоваться *Новой Слободкой*. В 1930-е гг. для усиления политической работы в армии, на флоте, на предприятиях и в учреждениях создавались политотделы, они были созданы и в волжских совхозах, поэтому в 1934 г. село получило название *Политотдельское*.

Однако волна переименований данного типа в Волгоградской области, как и во всей стране, приходится на конец 1950-х — начало 1960-х гг. Переименования начались вскоре после XXII съезда КПСС, на котором было принято решение усилить меры борьбы с культом личности И. В. Сталина. Первыми в конце 1950-х в Сталинградской области были переименованы населенные пункты, названные в честь С. М. Буденного и К. Е. Ворошилова, поскольку их имена ассоциировались со сталинской эпохой, с традицией прижизненных названий в честь сподвижников И. В. Сталина. Новый ойконим образовывался от слов — символов возрождения новой жизни, характерных для советской ойконимии, или от прежнего названия. Например, были переименованы два *поселка им. Ворошилова*, расположенные в разных районах области: одни — в поселок *Рассвет*, другой — в поселок *Заря*, а хутор *Буденовский* (бывший хутор Долговский) — в поселок *Долгий* (по одноименному оврагу).

При этом основная часть переименований была связана со стремлением предать забвению имя И. В. Сталина. Начало положило резонансное переименование *Сталинграда* в *Волгоград*. 10 ноября 1961 г. президиум Верховного Совета РСФСР издал

указ о переименовании Сталинграда. Примечательно, что в документах подобного рода стал отмечаться коллективный характер принятия решения: «Учитывая пожелания и просьбы коллективов промышленных предприятий,строек, совхозов, колхозов и учреждений, а также ходатайства общественных организаций Сталинградской области, переименовать Сталинградскую область в Волгоградскую область и город Сталинград в город Волгоград»<sup>1</sup>. К тому времени уже стал обязательным этап общественного обсуждения переименования, однако, по сравнению с ранним советским периодом, когда название предлагалось жителями, инициатива «снизу» не была спонтанной, она носила ритуальный характер и фактически была организована «сверху» руководящими органами. В городе устраивались показательные митинги и собрания трудовых коллективов, участники которых требовали сменить имя городу и области. Эти события находили широкое отражение в СМИ. Был очевиден декларативный характер переименования уже на иллокутивном уровне и заранее предсказанный перлокутивный эффект — смена имени города при всеобщем одобрении данного решения.

Между тем стоит отметить, что именно тогда в структуре речевого акта «переименование» появляется еще один этап — публичное массовое обсуждение вариантов нового названия. В разных источниках приводится более 20 вариантов нового имени города, которые предлагались на собраниях трудовых коллективов<sup>2</sup>. В сумме они отражают представления о том, каким должно быть имя города, больших групп людей, объединенных в одно время общей номинативной задачей. В предложенных вариантах выделяются два основных мотива: патриотический — стремление отразить в названии роль Сталинградской битвы в Великой Отечественной войне (*Непокорный, Твердыня, Геройск, Славград, Победоград*), в том числе с частичным переименованием (*Стальград*); а также топографический — желание показать расположение города на великой русской реке, соединившей пять морей (*Пятиморск, Пятиморград, Волгодонск, Волго-*

<sup>1</sup> Указ Президиума ВС РСФСР от 10.11.1961 года «О переименовании Сталинградской области в Волгоградскую область и г. Сталинграда в г. Волгоград». URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/>

<sup>2</sup> «Волгоград мы не выстрадали. Нам его навязали»: 10 ноября 1961 года Сталинград получил новое имя. URL: <https://gorvesti.ru/text/volgograd-my-ne-vystradali-nam-ego-navyazali-10-noyabrya-1961-goda-stalingrad-poluchil-novoe-imya-109718.html>

град), в том числе с сохранением мемориальной модели, но заменой имени Сталин на Ленин (*Лениноволжск, Ленинград-на-Волге*). Окончательное решение в соответствии с существовавшими правилами присвоения названия принимал Волгоградский обком КПСС. В результате выбор пал на название Волгоград.

На перлокутивном этапе, при обнародовании результатов, эксплицировались мотивы номинации, что тоже нехарактерно для предыдущих периодов переименования. В одном из ноябрьских выпусков 1961 г. газеты «Волгоградская правда» так разъяснялись причины выбора нового названия: «Имя города, расположенного у могучей реки, и имя реки, у которой стоит город-герой, слились теперь воедино в величавое имя Волгоград» («Волгоградская правда». 15.11.1961). Название по-своему уникально — сочетание форманта *-град* с названием реки не имеет аналогов в русскоязычной топонимии.

Таким образом, структура речевого акта «переименования», иллокутивная функция которого — предание забвению имен политических лидеров, усложняется.

Буквально через несколько месяцев после переименования областного центра в соответствии с общесоветской номинативной ситуацией были переименованы сельские населенные пункты. Причем в большинстве своем новый ойконим был лишен идеологической окраски: пос. *Сталинский* был переименован в *Степной*, с. *Сталино* — в *Садовое*, с. *Сталиндорф* — в пос. *Приморский* и т. п.

Подобные мотивы переименований становятся снова актуальными в 1990-е гг. в связи со сменой политического курса. Стремление убрать с карты региона имена всех политических деятелей советской эпохи иногда приводило к ложной мотивации при смене названия. К примеру, поселок *Микояна*, переименованный в 1998 г. в поселок *Царицын*, был назван не в честь видного государственного деятеля советской эпохи А. Микояна, а в честь его сына, летчика В. Микояна, погибшего в воздушном бою под Сталинградом в 1942 г. Первоначально населенный пункт назывался *пос. им. Володи Микояна*. Но при переименовании об этом не вспомнили ни жители поселка, ни Волгоградская областная дума, принимавшая решение о смене названия.

Показательны переименования 1990-х гг., цель которых была не только с помощью топонимии придать забвению имена известных личностей советской эпохи, отношение к которым было пересмотрено, но и вернуть населенному пункту историческое название.

В этот период по всей стране стали возвращать дореволюционные ойконимы. Наиболее резонансное региональное переименование этого периода, демонстрирующее еще большее усложнение структуры речевого акта, — возвращение в 1997 г. рабочему поселку Киквидзе, административному центру Киквидзенского района, исконного названия — *станция Преображенская*.

Иллокутивный этап был растянут во времени, он занял 6 лет. События этих лет подробно описаны в районной газете «Нива» со ссылками на публикации в данной газете за 1990-е гг. Началом иллокутивного этапа можно считать «Обращение к жителям, товарищам, друзьям района и райцентра», опубликованное в 1991 г. Оно было написано от имени инициативной группы из 250 жителей станицы, которые предлагали жителям района и райцентра ходатайствовать перед сессией райсовета о возвращении названия *станция Преображенская*. Следующий этап — дискуссия на страницах районной газеты. Одни участники дискуссии, выступая за возвращение старого названия, считали необходимым искоренить память о В. Киквидзе, а также возродить историю казачества, связанную с местной Спасо-Преображенской церковью, одной из самых древних на территории области. Другие участники, противники переименований, отмечали роль В. Киквидзе в Гражданской войне, а также связь названия с большими потерями «в борьбе с царскими телохранителями, белой гидрой, нашими угнетателями»<sup>1</sup>.

На локутивном этапе рабочий поселок Киквидзе был переименован в станицу Преображенскую. Причем впервые основанием для принятия решения стали итоги местного референдума, который состоялся 30 ноября 1997 г. За возвращение исконного названия районному центру высказались 85,5 % жителей района, однако с учетом мнения жителей небольших сел и хуторов Киквидзенский район сохранил свое название.

В последние годы учет мнений местных жителей и проведение референдумов при переименовании было закреплено законодательно решением Волгоградской областной думы<sup>2</sup>. Таким образом, законодательно закрепляется коллективный именуемый субъект переименования.

<sup>1</sup> Как станице вернули ее имя. URL: <https://niva-kikvidze.ru/stati/pamjat-zhiva/kak-stance-vernuli-eyo-imja.html>.

<sup>2</sup> В Волгограде внесли изменения в закон о переименовании населенных пунктов. 14.07.2022. URL: <https://vpravda.ru/politika/deputaty-volgograds-koy-oblastnoy-dumy-podderzhali-iniciativu-andreya-b-ocharova-138426/>.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования показали, что речевой акт «переименование» в региональной топонимии имеет четкую структуру (иллокутивный, локутивный и перлокутивный уровни), которая усложняется в связи с изменениями в политической и социально-экономической жизни страны и региона, а также в психологической установке носителей языка.

По иллокутивной функции выделяются 2 типа речевого акта. В первом случае переименование связано с установлением советской власти на территории региона. Наблюдается преобладание антропонимической модели с заменой имени землевладельца или известного жителя на имя героя Гражданской войны или советского времени. Характерна инициатива «снизу», при которой населенный пункт часто получает новое имя в результате самоназвания. Часто решение о переименовании принимают местные жители, и только затем — органы государственной власти. Во втором случае переименование отражает борьбу за власть, цель переименования — предание забвению имен политических лидеров при смене политического курса страны. Отмечается усложнение структуры речевого акта: на иллокутивном уровне — обсуждение вариантов названия (советский период) и проведение референдумов (постсоветский период). На перлокутивном — обнародование мотивов переименования. Полученные данные открывают перспективы исследования речевых актов «присвоение названия» и «переименование» в динамическом аспекте на более широком материале, выходящем за рамки региональных переименований.

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антропов, О. О. Астраханское казачество. На переломе эпох / О. О. Антропов. — Москва : Вече, 2008. — 410 с. — ISBN 978-5-9533-2584-4.
2. Бойкова, Т. А. Интенциональность имяназрения в сопоставительном аспекте (на материале опроса российских и американских информантов) / Т. А. Бойкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2014. — № 7 (92). — С. 52–56. — EDN TALVAX.
3. Голомидова, М. В. Искусственная номинация в русской ономастике / М. В. Голомидова. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1998. — 232 с. — ISBN 5-7186-0338-3. — EDN UGDAAP.
4. Ворошилин, С. И. Топонимические войны в мире — насильственная смена топонимов вследствие войн, революций и колонизации / С. И. Ворошилин // Вопросы всеобщей истории. — 2011. — № 13. — С. 80–98. — EDN TRKBON.
5. Калущков, В. Н. Изменение геокультурного пространства стран Ближнего Зарубежья в XX–XXI вв. (на материале переименования городов) / В. Н. Калущков // Псковский региональный журнал. — 2021. — № 2. — С. 99–116. — DOI 10.37490/S221979310013684-5. — EDN WJWGDW.
6. Корнейчук, Т. А. Названия российских и латиноамериканских кинофильмов как объект языковой рефлексии / Т. А. Корнейчук // Актуальные вопросы современной филологии и

журналистики. — 2026. — № 1 (60). — С. 206–215. — DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.025. — EDN QTMCPW.

7. Крюкова, И. В. Прагматика онима: направления исследований и методика анализа / И. В. Крюкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2011. — № 8(62). — С. 139–143. — EDN OOAARSV.

8. Мазур, Л. Н. История России XX века в названиях населенных мест / Л. Н. Мазур // Вопросы ономастики. — 2011. — № 2(11). — С. 5–18. — EDN PGDZEB.

9. Матвеев, А. К. Топономастика и современность / А. К. Матвеев // Вопросы ономастики. — Свердловск : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1974. — Вып. 8–9. — С. 4–14.

10. Матвеев, А. К. Тенденции и практики в современной российской урбономинации / А. К. Матвеев // Вопросы ономастики. — 2009. — № 7. — С. 100–105. — EDN TUWETZ.

11. Митин, И. И. Топонимический палимпсест: переименование как символическое (пере)конструирование пространства и места / И. И. Митин // Псковский региональный журнал. — 2021. — Т. 17. — № 4. — С. 73–83. — DOI 10.37490/S221979310016932-8. — EDN DKOXXH.

12. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва, 1986. — Вып. XVII : Теория речевых актов. — С. 22–130.

13. Петешова, О. В. Сравнительный анализ кампаний по переименованию населенных пунктов и улиц Калининградской области / О. В. Петешова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2026. — № 2 (508). — С. 20–27. — DOI 10.47475/1994-2796-2026-508-2-20-27. — EDN PEYWUY.

14. Серль, Дж. Р. Что такое речевой акт? Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Зарубежная лингвистика. Избранное / ред.-сост. В. Д. Мазо. — Москва : Прогресс, 1999. — Вып. 2 : Новое в лингвистике. Новое в зарубежной лингвистике. — С. 210–254. — ISBN 5-01-004653-9.

15. Сулейман, М. М. Средства прагматизации названий российских и британских телепередач / М. М. Сулейман // Филология и человек. — 2017. — № 4. — С. 171–177. — EDN ZWUTMV.

16. Vuolteenaho, J. Towards critical toponymies / J. Vuolteenaho, L. D. Berg // Critical toponymies. The contested politics of place naming. — Farnham, Burlington, VT, Ashgate, 2009. — P. 1–18.

## REFERENCES

1. Antropov, O. O. (2008). Astrakhanskoye kazachestvo. Na perelome epoch = Astrakhan Cossacks. At the turn of eras. Moscow: Vechе, 410 p. ISBN 978-5-9533-2584-4.
2. Boykova, T. A. (2014). Intentsional'nost' imyanarecheniya v сопоставител'nom aspekte (na materiale oprosa rossiyskikh i amerikanskikh informantov) = Intentionality of naming in a comparative aspect (based on a survey of Russian and American informants). *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*, 7(92), 52–56. EDN TALVAX.
3. Golomidova, M. V. (1998). Iskusstvennaya nominatsiya v onomastike = Artificial nomination in onomastics. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 232 p. ISBN 5-7186-0338-3. EDN UGDAAP.
4. Voroshilin, S. I. (2011). Toponimicheskiye voyny v mire — nasil'stvennaya smena toponimov vsledstviye voyn, revolyutsiy i kolonizatsii = Toponymic wars in the world — forced change of toponyms due to wars, revolutions and colonization. *Questions of General History*, 13, 80–98. EDN TRKBON.
5. Kalutskov, V. N. (2021). Izmeneniye geokul'turnogo prostanstva stran Blizhnego Zarubezh'ya v XX–XXI vv. (na materiale pereimenovaniya gorodov) = Changes in the geocultural space of the Near Abroad countries in the 20th–21st centuries (based on the renaming of cities). *Pskov Journal of Regional Studies*, 2, 99–116. DOI 10.37490/S221979310013684-5. EDN WJWGDW.
6. Korneychuk, T. A. (2026). Nazvaniya rossiyskikh i latinoamerikanskikh kinofil'mov kak ob'ekt yazykovoy refleksii = Names of Russian and Latin American movies as an object of linguistic reflection]. *Current Issues in Modern Philology and Journalism*, 1(60), 206–215. DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.025. EDN QTMCPW.
7. Kryukova, I. V. (2011). Pragmatika onima: napravleniya issledovaniya i metodika analiza = Pragmatics of theonym: direc-

tions of research and methods of analysis. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*, 8(62), 139–142. EDN OOARSV.

8. Mazur, L. N. (2011). Istoriya Rossii XX veka v nazvaniyakh naselennykh mest = History of Russia of the 20th century in the names of inhabited places. *Issues of Onomastics*, 2(11), 5–18. EDN PGDZEB.

9. Matveyev, A. K. (1974). Toponomastika i sovremennost' = Toponomastics and modernity. *Issues of Onomastics*, 8-9, 4–14. Sverdlovsk: Ural State University Press.

10. Matveyev, A. K. (2009). Tendentsii i praktiki v sovremennoy urbonominatsii = Trends and practices in modern urbonomination. *Issues of Onomastics*, 7, 100–105. EDN TUWETZ.

11. Mitin, I. I. (2021). Toponimicheskiy palimpsest: pereimenovaniya kak simbolicheskoye (pere)konstruirovaniye prostranstva i mesta = Toponymic palimpsest: renamings as symbolic (re)construction of space and place]. *Pskov Journal of Regional Studies*, 17(4), 73–83. DOI 10.37490/S221979310016932-8. EDN DKOXXH.

12. Austin, J. L. (1986). Slovo kak deystviye = How to do things with words. *New in Foreign Linguistics. Issue XVII: Theory of Speech Acts*, 22–130. Moscow.

13. Peteshova, O. V. (2026). Sravnitel'nyy analiz kampaniy po pereimenovaniyu naselyonnykh punktov i ulits Kaliningradskoy oblasti = Comparative analysis of campaigns for renaming settlements and streets of the Kaliningrad Oblast. *Bulletin of the Chel-yabinsk State University*, 2(508), 20–27. DOI 10.47475/1994-2796-2026-508-2-20-27. EDN PEYWUY.

14. Searle, J. R. (1999). Chto takoye rechevoy akt? Klassifikatsiya illokutivnykh aktov = What is a speech act? A classification of illocutionary acts. *Foreign Linguistics. Issue 2*, 210–254. Moscow: Progress.

15. Suleyman, M. M. (2017). Sredstva pragmatizatsii nazvaniy rossiyskikh teleperedach = Means of pragmatization of Russian TV program names. *Philology and Man*, 4, 171–177.

16. Vuolteenaho, J., Berg, L. D. (2009). Towards critical toponymies. *Critical toponymies. The contested politics of place naming* (Eds. J. Vuolteenaho & L. D. Berg), 1–18. Farnham, Burlington, VT: Ashgate.